

УДК 343.81

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
КАТЕГОРИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНО-
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

© 2013 Р. А. Ромашов

Аннотация. В данной статье проанализированы особенности, причины и условия возникновения пенитенциарной преступности. Также разъясняются особенности тюремной иерархии. Автор пришел к выводу, что в стабильной ситуации существует негласный компромисс между формальной и неформальной властью, который является своеобразной гарантией предотвращения «беспредела» как со стороны администрации, так и со стороны осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарное преступление, пенитенциарный рецидив, тюремная иерархия, каста.

**PENITENTIARY CRIME: CATEGORICAL PHENOMENOLOGICAL
AND STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS**

© 2013 R. Romashov

Summary. This article analyzes the characteristics, causes and conditions of the penitentiary crime. It also explains the features and the prison hierarchy. The author came to the conclusion that in a stable situation there is an implicit trade-off between the formal and informal power, which is a guarantee of prevention of «lawlessness» as part of the administration and by the convicts.

Keywords: penitentiary crime, prison recidivism, prison hierarchy, casta.

Особое место в системе организованной преступности занимает пенитенциарная преступность.

Уголовно-исполнительная система включает в себя комплекс учреждений – специализированных объектов, предназначенных для принудительного содержания осужденных, подозреваемых (обвиняемых). В контексте проблемы пенитенциарной безопасности существует двоякое отношение к системе исполнения уголовных наказаний. С одной стороны, эта система создается в целях профилактики и ограничения преступности, а также для исправления лиц, совершивших преступления, и их последующей ресоциализации. С другой стороны, пенитенциарная система – это место концентрации носителей криминальной культуры и источник криминальной опасности. В условиях пенитенциарной жизнедеятельности происходит распространение «криминальной инфекции» и влияние криминальной культуры на лиц, впервые попадающих в места лишения свободы.

Пенитенциарная сфера представляет собой агрессивную среду, продуцирующую конфликтные формы поведения. Это могут быть конфликты между осужденными, осужденными и сотрудниками УИС, а также конфликты с участием других субъектов, связанные с пенитенциарными отношениями. Наибольшей социальной опасностью обладают пенитенциарные преступления.

Пенитенциарное преступление – это социально опасное противоправное деяние, совершенное лицом, отбывающим уголовное наказание, предусматривающее уголовную ответственность в соответствии с действующим уголовным законом.

Пенитенциарные преступления обладают всеми традиционными «общеголовными» признаками: социальная опасность, противоправность, уголовно-правовая легализация,

виновность, юридический состав. В качестве дополнительного признака следует выделить социально-пространственный фактор: пенитенциарное преступление – это деяние, совершенное субъектом, уже являющимся осужденным, подозреваемым, обвиняемым и находящимся в сфере пенитенциарных отношений. Пенитенциарные преступления могут совершаться впервые либо являться рецидивными.

Пенитенциарный рецидив (далее – ПР) – совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость. В широком смысле ПР считается любая множественность преступлений, совершенных одним лицом. В узком смысле ПР представляет собой повторное преступление, совершенное лицом, отбывающим наказание. Если одно и то же лицо после осуждения совершает новое однородное преступление, имеет место так называемый *специальный ПР*, при совершении неоднородного преступления – так называемый *общий ПР*.

Преступность в пенитенциарной сфере – явление столь же объективное, как и преступность в обществе. Пенитенциарная преступность есть системный элемент и форма воплощения преступности как социально-правового явления. Так же, как и пенитенциарное преступление, пенитенциарная преступность характеризуется всеми признаками преступности как самостоятельного криминологического явления. Вместе с тем есть существенные отличия, влияющие как на восприятие данного феномена, так и на выстраивание коммуникаций между государством (в лице органов, учреждений, должностных лиц ФСИН) и криминальным сообществом, «дислоцированном» в местах лишения свободы.

Пенитенциарная преступность, в отличие от преступности «вообще», имеет четко обозначенные места обитания – учреждения УИС (СИЗО, колонии, тюрьмы), в которых сосуществуют и противодействуют два социальных порядка: правовой и криминальный.

Представляя собой «государство в государстве», своего рода «параллельный мир», пенитенциарная система вместе с тем является частью социальной структуры государства и общества, а пенитенциарная преступность представляет составную часть систем национальной и транснациональной преступности, принимающей активное участие в организации и функционировании криминального сообщества. Для представителей организованной преступности мир делится на две примерно равные «кайкумены»: волю и неволю. Это как противопоставляемые, так и взаимно обусловливающие составляющие «воровской» жизни. Подобные «параллельные миры» существуют у моряков дальнего плавания, живущих в измерениях суши и моря, и профессиональных военных, делящих жизнь на мир и войну. Во всех перечисленных случаях человек добровольно либо вынужденно адаптируется к двум жизненным реальностям, каждая из которых в своей организации и функционировании руководствуется своими правилами, целевыми установками и ценностными приоритетами. Человек, избрал свой профессией преступную деятельность, хочет он того или не хочет, признает и допускает возможность уголовного преследования и, как результат, – осуждения по приговору суда и отбывания наказания в местах лишения свободы. Таким образом, и воля и неволя представляют собой некие переменные составляющие криминальной жизни, циклический характер которой образно выразил уголовник по кличке Доцент в кинокомедии «Джентльмены удачи»: «Украл – выпил – в тюрьму...». Тюрьма как форма неволи не может нравиться осужденному, независимо от условий его содержания и «намотанного» срока тюремной жизни. Вместе с тем жизнь на воле также воспринимается как временное состояние, отсюда стремление к ее «прожиганию», жить нынешним мгновением, не задумываясь о смысле существования и не строя системных планов на будущее.

В свою очередь пребывание в местах лишения свободы рассматривается в криминальном мире в качестве, безусловно, неприятного, но в то же время жизненно важного этапа «карьерного роста». При этом имеет немаловажное значение как вид совершенного преступления и наказания за него, так и количество судимостей, а также общий срок нахождения лица в местах лишения свободы. В криминальной «воровской» среде высшей степени признания – «коронации» и наделения званием «вора в законе» – традиционно удостаивались рецидивисты, совершившие «уважаемые» преступления и проведшие большую часть своей жизни в заключении.

Для представителей оперативных, следственных и судебных органов основной целью деятельности является розыск и изобличение в преступлении лица и назначение наказания в случае признания его виновным. В принципе, перечисленными действиями исчерпывается достижение такой цели уголовного наказания как восстановление социальной справедливости. При этом очевидно, что само по себе наказание не способно исправить осужденного, то есть сделать его лучше, чем он есть. Человек, уверенный в своей правоте (а большинство представителей организованной преступности относят себя именно к таким), не воспринимает в качестве образца для подражания чуждый ему мир, живущий по не приемлемым для него правилам. Справедливости ради следует отметить, что и законопослушный мир относится к преступному столь же отрицательно. Таким образом, складываются два сообщества: «менты, законники (судьи) и лохи», с одной стороны, и «воры и бандиты» – с другой.

Для законопослушных граждан мир монистичен и включает в себя только официальную правовую составляющую. Тюрьма, равно как и смерть, война, стихийное бедствие на психологическом уровне воспринимаются в качестве реальных, но вместе с тем субъективно отторгаемых от себя лично угроз. Логика рассуждений проста. Конечно «от сумы и от тюрьмы не зарекаются», но «лично со мной ни то, ни другое не случится».

Для человека, оказавшегося «за решеткой» во второй и следующие разы, мир, как уже отмечалось, становится дуалистичным: «и на камнях растут деревья, и в тюрьме люди живут». Преступная деятельность, осуществлявшаяся на воле, в условиях заключения (неволи) не прерывается, а лишь приобретает определенную специфику, обусловленную тюремной организацией жизни и быта осужденных.

На воле преступник обязан маскировать свой криминальный статус. В заключении это – признаваемый и почитаемый криминальным сообществом «знак отличия», определяющий место его носителя в тюремной иерархии.

«Тюремное хозяйство» размещается в локальном охраняемом пространстве. Осужденные (подозреваемые, обвиняемые) находятся в отрядных помещениях и камерах. Их жизнедеятельность постоянно контролируется администрацией ИУ (СИЗО). Следовательно, одним из важных условий осуществления пенитенциарной преступной деятельности является коррупционная коммуникация представителей пенитенциарной организованной преступности с сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Представляя собой элемент системы организованного криминального сообщества, пенитенциарная преступность активно взаимодействует со «своими коллегами» на свободе. При этом в ряде случаев организация, планирование и общее руководство совершением преступлений осуществляется представителями преступных организаций, отбывающими наказание.

Целями создания и функционирования организованных преступных групп в пенитенциарных учреждениях являются обеспечение собственной безопасности и создание комфортных условий проживания для «элиты» пенитенциарного преступного мира. Кроме того, в качестве важной цели рассматривается отбор и профессиональная подготовка будущих членов организованных преступных групп (ОПГ).

Пенитенциарные учреждения являются своеобразными «рынками сбыта» запрещенных товаров и услуг (наркотики, алкоголь, азартные игры и т.п.), что обуславливает их привлекательность в качестве объектов криминального бизнеса.

Существенной особенностью пенитенциарной сферы человеческой жизнедеятельности является гендерный аспект. В учреждениях уголовно-исполнительской системы в течение длительного времени содержатся однополые лица, что, безусловно, сказывается на психологическом состоянии осужденных, обусловливая специфические половые эксцессы, в том числе преступления против половой неприкосновенности личности.

Пенитенциарная преступность характеризуется существенно большей, по сравнению с преступностью в свободном мире, степенью латентности. Криминальная культура воспринимает правовую культуру в качестве «антимира». Любое сотрудничество с правовой

культурой есть нарушение криминальных канонов. Преступления, совершаемые осужденными, дифференцируются на «правильные» и «неправильные». К примеру, организация наркотрафика в учреждении либо телефонное мошенничество – это правильное поведение, а воровство у своих (крысятничество) – неправильное. Однако независимо от криминальной квалификации совершенного поступка сообщение о нем в администрацию учреждения однозначно рассматривается как факт предательства «корпоративных» интересов, с применением к информатору негативных санкций со стороны преступного сообщества. Получение сведений о готовящихся и совершенных пенитенциарных преступлениях осуществляется преимущественно оперативным путем. При этом сотрудники попадают в двойственную ситуацию. Так, выявление и регистрация пенитенциарных преступлений свидетельствуют об эффективности работы администрации в правоприменительной области. Вместе с тем эти же показатели можно рассматривать с точки зрения недоработки той же администрации в области пенитенциарной профилактики. Таким образом, складывается ситуация, когда чем больше в учреждении регистрируется преступлений, тем ниже оценивается эффективность управленческой и правоохранительной деятельности администрации. Тем самым руководителей и сотрудников фактически побуждают к фальсификации отчетности о состоянии криминальной активности.

Структуру пенитенциарной преступности следует рассматривать исходя из статистической характеристики пенитенциарных преступлений и криминологической характеристики преступных групп и организаций, осуществляющих криминальную деятельность в учреждениях уголовно-исполнительской системы.

При изучении преступлений, совершаемых в пенитенциарной сфере, анализу подвергались 2005, 2010, 2011 гг.

В 2005 г. в исправительных учреждениях было совершено 1222 преступления, из них:

- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) – 470 (38,5%);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228 УК РФ) – 128 (10,5%);
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) – 223 (18,2%);
- преступления против жизни и здоровья – 164 (13,4%);
- уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) – 205 (16,7%);
- кражи на объектах УИС (ст. 158 УК РФ) – 32 (2,6%).

В 2010 г. в исправительных учреждениях было совершено 1406 преступлений, из них:

- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) – 365 (25,9%);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228 УК РФ) – 410 (29,1%);
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) – 182 (12,9%);
- преступления против жизни и здоровья – 147 (10,4%);
- уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) – 56 (3,9%);
- кражи на объектах УИС (ст. 158 УК РФ) – 31 (2,2%);
- иные преступления – 215 (15,2%).

В 2011 г. в исправительных учреждениях было совершено 1230 преступлений, из них:

- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) – 352 (29%);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228 УК РФ) – 305 (25%);
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) – 180 (15%);
- преступления против жизни и здоровья – 114 (8%);

- уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) – 58 (5%);
- кражи на объектах УИС (ст. 158 УК РФ) – 28 (2%);
- захват заложников (ст. 206 УК РФ) – 9 (1%);
- иные преступления – 184 (15%).

Как видим, большинство совершаемых преступлений непосредственным образом связано с пенитенциарной спецификой (побеги из места лишения свободы, из-под ареста или из под стражи; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества). Обращает на себя внимание резкое увеличение числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Если в 2005 г. было выявлено 128 преступлений, что составило 10,5%, то в 2010 г. выявлено 410 (29,1%). Небольшое снижение в 2011 г. (305 выявленных преступлений – 25%) не меняет общую картину, свидетельствующую об усилении тенденции наркотизации пенитенциарных учреждений. Сами сотрудники УИС подтверждают, что за последние годы количество наркозависимых осужденных возросло на порядок, что влечет усиление криминального наркографика и, как следствие, рост преступности в данной области. Также приведенная статистика подтверждает высказанный ранее тезис о высоком уровне латентности пенитенциарной преступности, статистическому учету подлежат в основном те преступления, скрыть которые не представляется возможным.

Исследование организационного аспекта пенитенциарной преступности предполагает прежде всего анализ социальной структуры «тюремного населения». Следует согласиться с авторами, полагающими, что структурирование спецконтингента осуществляется по кастовому принципу. Выделяются четыре локальные группы: элита – блатные; «тюремный народ» – мужики; маргиналы криминального мира – козлы, красные; лица с пониженным социально-ролевым статусом – петухи, обиженные¹.

В основу такого деления положен криминальный обычай, не имеющий официального нормативного закрепления и, вместе с тем, соблюдаемый практически во всех учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Блатной – представитель высшей по статусу группы в неформальной иерархии заключенных. Блатным обычно является профессиональный преступник, осужденный по «непрезираемой» статье (к презираемым, как правило, относятся статьи, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений сексуального характера), признающий тюремный закон, следующий «правильным понятиям», имеющий «чистое» прошлое, не работающий в зоне и не сотрудничающий с администрацией исправительного учреждения.

Блатным принадлежит неофициальная но вместе с тем реальная власть в учреждении, существующая и действующая наряду с властью официальной администрации. Обладание властью предполагает как привилегии, так и обязанности. К привилегиям следует отнести улучшенные условия проживания, отказ от работы. К числу обязанностей – обеспечение «грева» – организация получения «правильными» осужденными продуктов, чая, табака, алкоголя, наркотиков, одежды и т.п. Блатные обязаны также решать споры, возникающие между другими заключенными, и вообще не допускать никаких стычек между ними, следить за тем, чтобы никто не был несправедливо наказан, обижен, обделен.

В своем современном состоянии каста блатных сложилась в начале 1960-х годов, после массовой реабилитации политических осужденных и окончания широкомасштабного конфликта между «ворами» и «суками». В настоящее время блатные в качестве неформальных лидеров осужденных представляют интересы основной их массы и органично включены в тюремное сообщество.

Сами блатные предпочитают использовать различные эвфемизмы и синонимы слова «блатной», называя себя авторитетами, арестантами, бояками, бродягами, жуликами и др.

В группе блатных существует своя иерархия. В порядке от более высокого статуса к низшему: воры в законе, свояки, авторитетные блатные, пацаны, приблатненные, бойцы. В некоторых регионах могут использоваться и другие названия. Например, приблатненных называют фраерами, простых блатных — козырными фраерами (козырной фраер).

Мужик – осужденный, собирающийся после отбытия срока вернуться к нормальной жизни. К мужикам относится основная масса тюремного населения. Мужики не претендуют на власть в зоне, никому не прислуживают, с администрацией учреждения не сотрудничают. Вместе с тем мужикам не запрещается работать, претендовать на условно-досрочное освобождение. Мужики, пользующиеся уважением блатных, могут исполнять обязанности «смотрящих» за отрядами и принимать участие в сходках.

Красный (козел) – осужденный, открыто сотрудничающий с администрацией исправительного учреждения. Красные – те, кто согласились принять какую-либо должность – завхоза, заведующего клубом, библиотекаря, коменданта и т.п. С точки зрения официальной администрации красные относятся к так называемому «активу» – «лицам, твердо вставшим на путь исправления». В криминальной иерархии красные стоят на низшей ступени. Их поведение осуждается, но в то же время рассматривается как допустимое. С красными можно здороваться, общаться, прикасаться к ним, но никакого влияния на принятие властных решений они оказывать не могут.

Лицо с пониженным социально-ролевым статусом (петух, обиженный) – представитель касты изгоев, неприкасаемых, отверженных, среди них находятся и пассивные гомосексуалисты. На том же уровне в зоне находится промежуточная каста – «чушки», «черти». С той только разницей, что в качестве пассивных педерастов они не используются – это просто неприкасаемые.

Для обиженных предусмотрены отдельные места, отдельная посуда, отдельная работа. Брать у обиженного ничего нельзя. Также нельзя прикасаться ни к самому обиженному, ни к тем предметам, которых он касался. К примеру нельзя сидеть на стуле, на котором до этого сидел обиженный.

В основном в обиженные попадают за грубейшие нарушения тюремного закона, за доносительство (стукачество), воровство у своих (крысятничество), беспредел, неуплату карточного долга и др. Обиженным можно стать добровольно. Так, чтобы избежать кары за неуплату карточного долга, проигравший может занять «петушиное» место и тем самым признать себя обиженным. С этого момента у него, как у любого другого обиженного, взять ничего нельзя.

Как и в любом кастовом обществе, в «тюремном социуме» переход из одной касты в другую возможен только в сторону понижения социального статуса лица. Кроме того, следует помнить, что выделенные касты сохраняют свою значимость и на воле. Попытка причислить себя к более высокой касте считается одним из серьезнейших «криминальных преступлений», при выявлении которого к нарушителю применяются жесточайшие санкции, вплоть до убийства.

Каста блатных представляет собой аппарат теневой власти пенитенциарного учреждения и костяк пенитенциарной организованной преступности. Основными властными полномочиями наделяется «смотрящий», избираемый на сходке блатных. Если смотрящего назначает «вор в законе», то он считается «положенцем». По своим функциональным обязанностям положенец равен смотрящему, но его социальный статус выше, так как предполагается, что положенец – это полномочный представитель «вора в законе» на зоне. В том случае, если в учреждении находится «вор в законе», он может принимать управленческие решения практически по любому вопросу «криминального общежития». В качестве основных инструментов «криминального управления» применяются решения «воров в законе», положенцев и смотрящих, а также коллективные решения, принимаемые блатными на сходках и разборках.

«Исполнительная власть» осуществляется нижестоящими смотрящими, отношения между которыми регламентируются по принципу разграничения предметов ведения и распределения полномочий. С определенной долей условности можно выделить три уровня «криминальной властной компетенции»: зональный, линейный, объектовый.

На зональном уровне назначаются смотрящие за отрядами осужденных, наделяемые функциональными полномочиями, схожими с функциональными полномочиями начальников отрядов.

Линейный уровень предполагает установление контроля за направлениями (линиями) криминальной экономики. В качестве наиболее важных направлений выделяются наркотрафик, организация азартных игр, торговля.

На объектовом уровне осуществляется контроль за соблюдением «воровского закона» на «криминально значимых объектах» пенитенциарного учреждения. Это промышленная зона, столовая, ШИЗО, ПКТ. Особый интерес представляет организация криминальной власти в ШИЗО, ПКТ. Внутренний порядок на этих объектах обеспечивается смотрящим, непрерывно находящимся в камере. Кроме того, назначается смотрящий, отвечающий за «грев» – доставку в камеры запрещенных предметов, необходимых для создания в них более комфортных условий.

Особое место в системе «криминального управления» занимает смотрящий над обиженными. Являясь представителем «тюремного дна», это вместе с тем влиятельная фигура в управляемой системе. «Главный петух» одновременно является посредником между кастой неприкасаемых и всем лагерным сообществом. Все претензии обиженных, все их предложения доводятся до смотрящего зоны через этого лидера. Через него же эта группа отверженных и формально выведенных из нормальной жизни людей управляется блатными. Следует отметить, что смотрящие обиженных – это люди, весьма информированные о внутренней жизни зоны. Им известны многие интриги, они, в частности, могут знать, кто является настоящим «смотрящим» (нередко представляющийся «смотрящим» осужденный – это подставная фигура, а настоящий лидер зоны предпочитает «не засвечиваться»), и многое другое².

Представленная управляемая модель организованной пенитенциарной преступности является аналогом официальной административной системы и существует с ней. В стабильной ситуации есть негласный компромисс между формальной и неформальной властью, который является своеобразной гарантией предотвращения «беспредела» как со стороны администрации, так и со стороны осужденных. Нарушение такого компромисса влечет усиление напряженности в пенитенциарных отношениях и в ряде случаев является предпосылкой для конфликтов, связанных с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

¹ Более подробно о составе и истории «тюремных каст» см.: Абрамкин В., Чижков Ю. Как выжить в советской тюрьме // http://prison.org/lib/sov_pris/index.htm

² Там же.

УДК 340

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ (по материалам ОНК Калининградской области)

© 2013 О. Е. Финогентова, Е. И. Финагина

Аннотация. В статье рассмотрен общественный контроль как механизм реализации принципа правового государства – верховенство закона. Кратко рассмотрено законодательное обеспечение общественного контроля в России.

Ключевые слова: общественный контроль, места принудительного содержания, ФСИН.

THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL CONTROL IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF WOMEN PRISONERS WITH CHILDREN (on materials of Kaliningrad PMC)

© 2013 O. Finogentova, E. Finagina

Summary. In the essay article the social control submitted as a mechanism for the implementation of the principle of the constitutional state – the rule of law. It's briefly described the legislative provision of social control in Russia.

Keywords: social control, places of detention, the FPS.